

ВЫСТАВКА «ЗОЛОТО ТРОИ» В ГМИИ ИМ. А.С. ПУШКИНА

© 1999 г.

РИТУАЛЬНЫЕ МОЛОТЫ-ТОПОРЫ ИЗ ТРОЯНСКОГО КЛАДА L

(К вопросу о датировке данного археологического комплекса)

Эпохальными раскопками древней Трои Генрих Шлиман не только явил миру новую, не известную до той поры эгейскую культуру. Не подозревая того, он открыл очень ранний пласт средиземноморской, европейской и переднеазиатской культуры, представившей свидетельства об интересных связях между многими территориями древнего мира еще в III тыс. до н.э.

Найденные Шлиманом троянские клады, ставшие сразу же знаменитыми (как бы критически мы ни оценивали метод их извлечения), дали исключительно важный для науки материал. В наши дни он позволяет говорить о самых разных проблемах: о Трое I, II и раннем этапе в развитии эгейской культуры, складывавшейся на разных территориях Средиземноморья; о Трое и древней Анатолии; о Трое и культурах Балкан, в частности о Трое и протофракийцах; об опосредованных связях Трои и Месопотамии и т.д. Благодаря этому создается панорамная картина очень большого диапазона, во многом корректирующая наши прежние представления. Теперь уже очевидно, что древняя Анатолия, Киклады, Балканы, Крит, Кипр, Сиро-Финикия, Палестина, Кавказ и все области Причерноморья были единым регионом, имевшим по-разному выраженные, но безусловные связи и культурно-исторические традиции.

Долгое время предметы троянских кладов, попавшие в Россию в результате второй мировой войны, были практически недоступны для изучения, поэтому так важна была выставка «Сокровища Трои» в Государственном музее изобразительных искусств им. А.С. Пушкина и прошедшая там научная конференция.

Материалам троянских кладов, как известно, посвящен целый ряд работ¹. Однако выставка и конференция, посвященные «Сокровищам Трои» показали всю актуальность продолжения исследований данного круга памятников, необходимость изучения их на современном уровне, сочетая старые и новые методы.

Даты, полученные механическим, более или менее совершенным путем, вовсе не исключают, как нам кажется, аналитических уточнений и поправок, особенно в таком сложном археологическом комплексе, как Троя. Диктуют в конечном счете не даты, диктуют памятники. А памятники, представленные на выставке и отраженные в ее большом каталоге, свидетельствуют о том, что материал этот не вполне однороден. Клад L, найденный уже в 1890 г., в последний год работы Г. Шлимана на Гиссарлыке, на наш взгляд, явно «вырывается» из общего раннего контекста. Основной материал шлимановских кладов связан, как мы знаем, с эпохой ранней бронзы, в основном со второй половиной – концом III тыс. до н.э., клад же L имеет, по нашему мнению, значительно более позднее происхождение, что мы и попытаемся показать в этой работе.

¹ См., например: *Schmidt H.* Heinrich Schliemann's Sammlung Trojanischer Alterthümer. B., 1902; *Matz Fr.* Kreta, Mykene, Troja. Die minoische und die homerische Welt. Stuttgart, 1956; *Siebler M.* Troia-Homer-Schliemann. Mythos und Wahrheit. Mainz, 1990; *idem.* Troia. Geschichte. Grabungen. Kontroversen. Zaberns Bildbände zur Archäologie, 17. Mainz, 1994; *Goldmann K.* Der Schatz des Priamos. Zum Schicksal von Heinrich Schliemanns Sammlung Trojanischer Alterthümer // «Heinrich Schliemann: Grundlage und Ergebnisse». 1992. S. 377–390; *Schliemanns Gold und die Schätze Alteuropas aus dem Museum für Vor- und Frühgeschichte.* Mainz, 1993.

Главными в составе рассматриваемогоклада L являются известные ритуальные каменные молоты-топоры, замечательные произведения древней материальной и художественной культуры, которые неизменно привлекают внимание специалистов и зрителей исключительным совершенством своего исполнения и красотой цветного камня². Поскольку вычленив данные предметы из состава археологического комплекса невозможно и неправомерно, эти уникальные памятники древнего ремесла и искусства (а два эти понятия неразрывно связаны между собой у всех древних народов) будут рассматриваться нами в сочетании с другими предметами этого клада: с навершиями кинжалов из горного хрусталя, с так называемыми линзами, спекшимся металлом, бусинами из сердолика и янтара и т.п.³

Метод комплексного, разностороннего исследования, которому мы всегда отдаем предпочтение, делает достаточно важными отдельные его аспекты (в данном случае – семантический, типологический, художественно-стилистический и технологический анализы). Такой сложный подход к памятнику, рассмотрение его в конкретном археологическом комплексе, в связи с соответствующей культурно-исторической средой всегда дает положительный результат, независимо от того, с какой именно исследовательской проблемой это прежде всего соотносится. Исходя из особенностей памятника, самого характера изучаемого предмета всегда может быть выделен один из аспектов, но это не исключает необходимости комплексного подхода в целом.

Поскольку в нашем случае на первый план выдвигается проблема датировки, причем не только самих молотов-топоров, но и всего клада L как совокупности предметов, особое значение приобретает, как кажется, тщательный технологический анализ данных памятников: именно он может дать наиболее точные хронологические координаты.

Однако начать следует все-таки с содержательной стороны основных предметов клада L – с семантического анализа каменных молотов-топоров, который может дать важные хронологические посылки, необходимые в дальнейшем ходе исследования.

Прежде всего, видимо, не подделжит сомнению тот факт, что рассматриваемые молоты-топоры, выполненные с таким художественным и техническим совершенством из дорогого цветного камня и представленные в количестве сразу четырех однотипных предметов, не имели непосредственно функции боевого оружия. По своему характеру они явно были предметами сакрального уровня, предметами ритуальными, связанными с властными божественными функциями верховного жреца либо царя-жреца, выступавшего в этой роли.

Священные топоры служили образом силы и божественной власти абсолютно у всех древних народов, в том числе и у народов Средиземноморья и Передней Азии: у египтян и шумеров, италиков и этрусков, минойцев и ахейцев, ликийцев и карийцев, хеттов и хурритов. Топор – предмет, постоянно использовавшийся в ритуалах и отраженный в древних письменностях, наряду с кинжалом, стрелой, открытой рукой. Он встречается в иероглифическом письме Египта и Крита, в эгейском линейном A и B, в этрусском письменности.

Знак топора как общий для древнего мира властный божественный символ имеет тем не менее несколько смысловых аспектов, несколько уровней в своем толковании, с явным перемещением акцентов с течением времени на протяжении от IV до I тыс. до н.э. Как всякий символ, он должен, видимо, рассматриваться только в его историческом развитии, в связи с конкретной локально-исторической и культурно-исторической средой.

На раннем этапе, в IV и первой половине III тыс. до н.э., судя по разнообразному изобразительному материалу, подчеркивается прежде всего функция топора как реального боевого оружия, устрашающего, карающего врагов этой земли и защищающего благодаря покровительству верховных богов данный род, племя, номовое государство, поселение или образовавшуюся в результате объединения древнюю державу, как это было в Египте. В этом своем значении образ топора близок изображениям булавы, кинжала, меча, копья. Правитель – вождь или царь – с таким оружием в руках выступает как победитель, как защитник своей территории и всех живущих на ней. Постепенно символический образ топора начинает выступать одновременно и в качестве средства ирреальной защиты, защиты от действия злых, разрушительных потусторонних сил, связанных главным образом с миром мертвых, однако в ранний период эта функция скорее только намечается, она не проявлена в достаточной мере и вторична по отношению к основной.

По мере развития древних религий и культов символический образ топора усложняется в своем значении, обретает более выраженную магическую сущность, открытую связь с

² Сокровища Трои. Из раскопок Генриха Шлимана. Каталог выставки. М., 1996. № 166–169.

³ Там же. № 170–230.

хтоническими представлениями. Это характерно уже для второй половины III и особенно для II тыс. до н.э. Топор на этом этапе – не только символ героизированной земной верховной власти, божественной по своей природе, а потому находящей поддержку самых действенных божественных сил; он вместе с тем и символ жреческой власти, значение которой все более возрастает. Символический образ топора является связующим между мирами: миром небесным, земным и подземным. Как атрибут он может служить различным мужским божествам, прежде всего верховным божествам-громовникам, культы которых получают особое значение на азиатских территориях и в Средиземноморье. Топор, брошенный таким божеством, будь то Баал, Тешшуб или позднее Зевс, обычно приносил на землю не только гром, но и животворную влагу дождя, несущую плодородие⁴. Не случайно во многих древних земледельческих культурах образ топора был связан одновременно и с урожайной магией (отголоски этого сохранялись и в более поздних культурах земледельцев, в том числе у всех славянских народов). Будучи символом жертвенной смерти и посылаемого богами плодородия, топор становится не только знаком силы, возмездия, смерти, но и победы над смертью, знаком вечной жизни, которая может продолжаться за смертью. Хтоническое значение этого образа расширяется, он мыслится теперь как символ возможного возрождения через смерть. Такого рода инверсии, как мы знаем, были характерны для многих древних религий. Понятно, почему модели глиняных и золотых топоров клали в гробницы⁵, а знаменитый двойной бронзовый топор-лабрис из дворца в Като Закро на Крите (XVI в. до н.э.) полностью покрыт плотным рельефным тростниковым плетением. То же значение имеют и двойные топоры на алтаре, который представлен в одной из композиций известного расписного саркофага из Агия Триады (XV в. до н.э.). Между двумя вертикально закрепленными на постаменте монументальными топорами-лабрисами изображен сосуд для возлияний, а на вершине каждого из них – фигурка сидящей птицы, т.е. души умершего.

В качестве фетишизированного объекта топор и сам мог быть предметом поклонения. Такие сакральные топоры, мыслившиеся как божество, становились недостижимыми объектами культа как статуи и хранились в святилищах в течение многих столетий. Хетты, например, поклонялись богу топора, богу меча точно так же, как богу горы или богу ворот. Это показывают, в частности, скальные рельефы из Язылыкайя.

Топор, таким образом, выступал как символ верховной земной власти и власти небесной, вместе с тем он – символ власти загробного мира и возрождения, жертвенной смерти. Причем, в осмыслении этого символического образа превалирует именно сложное хтоническое значение и «жреческий аспект». Формы сакральных топоров, использовавшихся в ритуалах, могли быть разными (топор, топор-молот, двойной топор-лабрис), но суть их была одна и та же.

Ситуация несколько меняется к концу II и особенно в I тыс. до н.э. На первый план снова выдвигается властная и карающая функция данного предмета. Топор – сакральное орудие царя-жреца или божества, с помощью которого решается судьба жертвы. Топор – это знак священной царской власти (через этрусков он придет и в Рим) и одновременно знак правосудия – хтонический символ, напоминающий о подземном мире и смерти. Топор – орудие смерти, это видно и на примере этруских и греческих памятников. Аспект возможного возрождения, перехода к вечной жизни после смерти, который, как это показывают сами предметы, достаточно определенно был выражен в произведениях предшествующего этапа, во II тыс. до н.э., теперь почти исчезает или значительно ослабевает. Происходит как бы возврат к исходному значению, но на ином уровне.

Троянские молоты-топоры по своему образу и содержанию, как это нетрудно увидеть, оказываются особенно близкими кругу эгейских ритуальных предметов, хотя одновременно имеют и переднеазиатские параллели (о них еще будет сказано ниже). Критские и микенские лабрисы XVI–XV вв. до н.э. и каменные ритуальные молоты-топоры из клада L, изготовленные из нефритоида, нефрита и породы, близкой к лазуриту, выполненные в очень сложной технике, имитирующей изделия из металла (бронзы, золоченой бронзы или

⁴ Лосев А.Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М., 1957. С. 114–121.

⁵ На Крите в святилищах и захоронениях обнаружены многочисленные двойные топоры: золотые, бронзовые, агатовые, янтарные. Изображения на них различны, они связаны главным образом с культом верховного мужского божества или культом верховного мужского и женского божества в их сочетании (это – лилии, бабочки, диагонали и зигзаги-молнии, концентрические круги, головы птиц, быков, стебли растений). См. о votivных двойных топорах из золота, найденных в святилище в Аркалохори в центральной части Крита (между 1550–1450 гг. до н.э.): Higgins R. Minoan and Mycenaean Art. L., 1994.

золота), на наш взгляд, вполне сопоставимы друг с другом. Они создают очень убедительный зрительный ряд, заставляющий задуматься о реальном хронологическом определении знаменитых троянских памятников. Наличие рядом с каменными молотами-топорами в том же кладе L нескольких наверхий из горного хрусталя, совершенно аналогичных хрустальным наверхиям кинжалов из микенских царских гробниц круга А, только усиливает сомнения по поводу датировки рассматриваемого археологического комплекса, обнаруживая дополнительно еще одну связующую нить с кругом памятников эгейской художественной культуры.

Функционально и символически двойные топоры, распространенные в Средиземноморье и Малой Азии (топоры-молоты, в которых само лезвие-лопасть и обух равнозначны, но разделены пластически, и так называемые лабрисы – двухлопастные топоры), очень близки друг другу и, видимо, связаны своим происхождением с одной территорией – Малой Азией. Двухчастность этих предметов усиливала не только функциональную, но, по-видимому, и чисто символическую их значимость.

То, что молоты-топоры из клада L выполнены в дорогом и очень твердом цветном камне, разумеется, тоже не случайно. Символичен и сам материал, и те эффекты, которые определены приемами его обработки, символичен и характер декора этих предметов – отдельные его элементы и общее художественное решение.

Известно, что у многих древних народов существовало табу на металл при изготовлении некоторых ритуальных предметов, особенно тех, которые были связаны с обрядом жертвоприношения. Именно поэтому данные предметы часто создавались из камня, а при особой их значимости – из очень дорогого камня. Камень, с древнейших времен применявшийся в таких случаях, считался более угодным богам, – все древние были, как известно, исключительно консервативны во всем, что касалось культа.

Однако при обработке камня мастера могли имитировать и изделия из металла. Иногда этого требовала, быть может, сама типология предмета, имевшего в металле более сложную и развитую форму, но чаще – защитные магические свойства металла. Уже одним своим видом, как считали древние, он должен был внушать страх, напоминать о своей великой разрушительной силе. Металл отпугивал злых духов, поэтому оружие из твердого металла у всех древних народов имело как бы двойную прочность: реальную и символическую.

Кузнечное ремесло было весьма почитаемым на всех металлоносных и металлопроизводящих территориях древнего мира, особенно в Малой Азии – древнейшем центре металлургии, где оно получило исключительное развитие. Кузнецы, создатели предметов из металла, по представлениям древних, существовали в какой-то особой пространственной зоне, пограничной между мирами. Они были связаны с энергией Огня и Солнца, которую самым непосредственным образом передавали и изготавливаемым предметам. Топор-молот у греков, например, как мы знаем, – атрибут Гефеста, и это неслучайно.

Реминисценции древних магических обрядов присутствовали во всех ритуалах и культовых предметах вплоть до позднейших исторических периодов. Троянские молоты-топоры убедительно подтверждают исключительную символическую многоплановость и емкость основных культовых предметов, особенно – атрибутов верховной божественной власти.

Как уже говорилось, символична не только сама форма троянских молотов-топоров, которая как всякая сакральная форма отличается особым совершенством исполнения и художественного оформления, символичен и материал – цветной камень, из которого были сделаны эти предметы. В двух случаях это нефритоид (минерал, близкий нефриту), в одном случае – нефрит (говорить о жадеитите без спектрального анализа пока, на наш взгляд, невозможно) и в последнем, четвертом случае – метаморфическая порода с включениями лазурита (не сам лазурит). Для древних это очень ценные и очень значимые породы камня, к которым никогда не обращались случайно: они, и это хорошо известно, имели одновременно и определенную магическую силу. «Божественное» их происхождение обуславливало и их исключительные физические свойства, и замечательную красоту.

Нефритоиды, как и сам нефрит, будучи ярко- или темно-зелеными камнями, у всех древних народов были связаны прежде всего с культом плодородия, а кроме того, конечно, и с представлениями о загробной жизни (так было, например, у древних китайцев, шумеров, вавилонян, народов древней Анатолии). Этот минерал повсюду ценили за его необычайную твердость (для нефритоидов она колеблется от 4,5 до 5,5; для нефрита равна 6,5–7; для жадеитита она еще выше – 7–7,5 и даже 8). Очень рано люди узнали о его целительных свойствах и, конечно, всегда восхищались глубиной его окраски, необычной волокнистой фактурой, еще более увеличивавшей его красоту и прочность. В первобытную эпоху нефритоиды и нефрит использовали в качестве материала для изготовления орудий, затем –

исключительно для создания ритуальных предметов, которые археологи находят теперь и в святилищах, и в погребальных комплексах. Расколоть этот минерал практически почти невозможно, его можно только распиливать. Тайны его обработки постигались постепенно, хотя довольно рано (особенно в Китае) научились делать из него различные предметы.

Лазурит, как и породы, приближенные к нему, у всех древних народов считался небесным камнем – подобное значение имела и бирюза. Ассоциировался он с ночным звездным небом. Благодаря мелким блестящим включениям, золотым или серебряным, он обладал удивительным таинственным мерцанием и глубиной, особой космической силой зрительного воздействия. Ценность этого минерала всегда была очень велика, использовали его только в придворном искусстве, для памятников самого высокого назначения. С III тыс. до н.э. лазурит получает распространение преимущественно на азиатских территориях, прежде всего на территориях, близких к основному его месторождению в Бадахшане (это подтверждают памятники из знаменитых царских гробниц Ура). Со II тыс. до н.э. этим материалом пользовались уже более широко: он известен во всем Средиземноморье и Египте, хотя круг его применения по-прежнему ограничивается придворным, официальным искусством. Традиционно лазурит применялся в сочетаниях с драгоценными металлами, золотом и серебром и соотносился с культами верховных богов, об этом свидетельствуют памятники разных культур. Твердость этого минерала довольно высока (5,5–6,5), и обработка сопряжена со многими сложностями, зато эффект готового изделия превосходит все ожидания. Очень ценили и любили использовать этот камень и в эгейском мире, что отражено, в частности, в самом языке греков-ахейцев (микенских греков). Среди слов, относящихся к ахейскому святилищу, в табличках линейного письма В есть слова, обозначающие ценные ритуальные предметы из этой породы камня, например, *Ku-wa-no* – «сделанный из лазурита»⁶.

Прозрачный горный хрусталь, как и алмаз, тоже считался у древних небесным камнем, и именно поэтому охотно использовался при изготовлении разного рода ритуальных предметов. Он ассоциировался с чистой водой и небесных вод, казался окаменевшим льдом, что запечатлено в его названии у греков.

Можно говорить не только о символике цветного камня, выбранного для изготовления троянских молотов-топоров. Как уже отмечалось, речь идет и об определенных символических эффектах, достигнутых в результате его обработки. Символична сама поверхность рассматриваемых предметов, причем, символична вдвойне. Во-первых, потому что она передает блеск металла, который явно имитирует, во-вторых, потому что благодаря своей отполированности (не отшлифованности, а именно отполированности) имеет совершенно зеркальную поверхность, способную к отражению. Сходство с зеркалом – предметом, который в представлениях древних всегда открывал прямой контакт между мирами, имело, наверняка, большое значение и в данном случае. Кроме того, обращает внимание и характер декоративной накладки, имитирующей когда-то реально существовавшую в древнейших топорах накладку из меди или золоченой бронзы. Ровные ряды гвоздиков-заклепок, которые выступающими округлыми головками так напоминают золотое небесное семя, брошенное в борозды мифического поля, конечно, тоже не могли не иметь, на наш взгляд, символического значения.

Воспроизведений ритуальных топоров в памятниках изобразительного искусства III–I тыс. до н.э. огромное количество: хеттские и хурритские печати и монументальные рельефы, близкие им памятники Ликии, Кари, Лидии и Фригии, произведения эгейской торевастики, глиптики, скульптуры и живописи, росписи этрусских гробниц и этрусские зеркала, рисунки на греческих вазах. Эти предметы встречаются в основном в сценах триумфа царей и богов, в сценах торжественных культовых шествий и ритуальных жертвоприношений, в сценах наказания врагов. В памятниках I тыс. до н.э. изображения этого символического предмета (и это вполне понятно, если вспомнить об историческом развитии этого символа) являются только напоминанием о древнейшем ритуале жертвоприношения. Архаического вида каменные топоры есть символ смерти и правосудия, но ими уже не пользуются как орудием казни. Таким топором жрецы, видимо, либо указывали на жертву, либо касались ее, убивали же прислуживавшие им, преимущественно с помощью кинжала. Это отражено в некоторых памятниках (см., например, живописное изображение в одной из этрусских гробниц – сцену жертвоприношения пленных в «гробнице Франсуа» IV в. до н.э.). Каменный топор в руке демона смерти имеет здесь сугубо символическое значение. Сходный образ встречается и в греческой краснофигурной вазописи, например, в сценах

⁶ Молчанов А.А., Нерознак В.П., Шарыпкин С.Я. Памятники древнегреческой письменности. М., 1988. С. 144.

убийства Агамемнона, где каменный топор служит всего лишь знаком начертанной богами судьбы.

И во II тыс. до н.э. ритуальные каменные топоры тоже уже по большей части не имели, видимо, непосредственно функционального значения. Они, как отмечалось, являлись культовыми предметами, которые находились в распоряжении жрецов и хранились в святилищах вместе с другими ритуальными предметами; их использовали в различных ритуалах, почитали и берегли как святыню.

Мы уже достаточно хорошо представляем себе уровень общественных отношений и идеологию древних обществ в эпоху бронзы на разных ее этапах, в том числе и в том широком регионе, в который так хорошо вписываются рассматриваемые троянские топоры-молоты (Эгеида с Критом и Кипром, Малая Азия, Сиро-Финикия и Палестина, Кавказ и Причерноморье). Эта картина культурного развития отражается в разнообразных письменных источниках (прежде всего в хеттских), в мифах и эпических сказаниях (эпос Угарита), в религиозных обрядах (хеттских и хурритских), в произведениях изобразительного искусства⁷.

Очевидно, уникальные по своему художественному уровню и довольно крупные по размеру троянские молоты-топоры изначально были связаны с сокровищницей какого-то троянского святилища. В момент опасности вместе с другими особо ценными предметами они были спрятаны, а уже потом перезахоронены как клад. Именно поэтому они и попали на большую глубину, к фундаменту одной из сакральных построек. Наша уверенность подтверждается другим археологическим комплексом, который также включает предмет близкого характера. Речь идет о хорошо датированном сакральном сооружении – доме G в Азине, где были найдены *in situ* все хранившиеся там ритуальные предметы позднемикенского времени (расписные керамические сосуды, крупные и мелкие, культовые статуэтки и довольно похожий на наши троянские каменный топор-молот⁸). Комплекс в Азине, открытый археологами еще в 20–30-е годы, сам по себе, разумеется, не дает каких-то абсолютных хронологических вех, зато дает представление о том реальном контексте, в котором могли находиться и предметы троянского клада L (не только молоты-топоры, но и хрустальные наперстки кинжалов, так называемые линзы и т.п.).

Важную часть нашего исследования составляет и типологический анализ предметов клада L, прежде всего, конечно, молотов-топоров. Для хронологического определения топоров и клада в целом типологический анализ имеет, конечно, гораздо большее значение, чем анализ семантический.

Типологических параллелей рассматриваемым троянским молотам-топорам в пределах III–I, или уже – III–II тыс. до н.э., достаточно много. Прототипы их, в камне и бронзе, связаны прежде всего с Анатолией и Юго-Западной Азией. Однако это не значит, что топоры-молоты III тыс. до н.э., найденные в Аладжа-Хююке, Мерсине, Дараке, Алишаре, Кайя-Пинаре, Эския-Паре или Полиохни, могут быть непосредственно соотнесены с троянскими⁹. Их можно считать архетипами, на основе которых происходит дальнейшее развитие этих форм. Троянские молоты-топоры намного сложнее, чем памятники эпохи ранней бронзы, и этого нельзя не увидеть, сравнивая их. На основе архетипов III тыс. до н.э. в эпоху средней бронзы развивается широкое производство втульчатых топоров такого вида на очень многих территориях, контактировавших с Малой или Юго-Западной Азией. Это – Северный Кавказ и Южная Украина, Венгрия, Румыния, Болгария, прежняя Югославия, Греция и острова Эгейского моря¹⁰. Однако и каменные молоты-топоры, происходящие из

⁷ Шифман И.Ш. Угаритский эпос. Введение / Пер. с угаритского и комментарий. М., 1993; Ардзинба В.Г. Ритуалы и мифы древней Анатолии. М., 1982.

⁸ Hagg R. The House Sanctuary at Asine Revisited // Sanctuaries and Cults in the Aegean Bronze Age. Stockholm, 1981. Acta Instituti Atheniensis Regni Suecial. Ser. 4. XXVIII.

⁹ Stronach D.B. The Development and Diffusion of Metal Types in Early Bronze Age Anatolia // Anatolian Studies. 1957. V. 7. P. 89 f.; Przeworski S. Die Metallindustrie Anatoliens. Leiden, 1939; Müller H. Handbuch der Vorgeschichte. Bd III. München, 1974; Бонгард-Ленин Г.М., Деоник Д.В., Деревянко А.П., Кучера С.Р., Массон В.М. Археология зарубежной Азии. М., 1986. Гл. 5; Авилова Л.И., Черных Е.Н. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественнонаучные методы в археологии. М., 1989 (типологическая таблица втульчатых топоров – с. 49).

¹⁰ Bouzek J. The Aegean, Anatolia and Europe: Cultural Interrelations in the 2nd Millennium B.C. Göteborg–Prague, 1985; Müller. Handbuch...; Марковин В.И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н.э.) // МИА. 1960. 93. Гл. 4. С. 99; Нечитайло А.П. Связи населения Степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев, 1991. С. 90; Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994. Гл. 3. С. 254 слл.

этих мест, в общих чертах достаточно близкие рассматриваемым троянским, не могут служить им прямыми аналогиями. Их форма очень функциональна, техника обработки камня (а это часто те же нефритовиды) очень высока, тем не менее они не достигают того уровня совершенства, которым отличаются топоры из клада L – памятники не только материальной культуры, но и выдающиеся произведения художественного ремесла, творчества искусства. Сложность троянских молотов-топоров, неповторимость, уникальность их формы, на наш взгляд, в том, что она является пластической или, точнее, декоративно-пластической имитацией древнейших образцов, но выполненной уже в более позднее время. Отсюда такая изощренность и свобода в обработке камня. Сам факт использования имитационной техники (а это на таком уровне по силам только очень развитым культурам) может служить серьезным аргументом в пользу датировки этих троянских памятников. Совершенство самой формы и технического исполнения свидетельствует, на наш взгляд, вовсе не о раннем этапе, а о периоде наступившей зрелости в эпоху бронзового века. Троянские молоты-топоры из клада L могли появиться, как мы думаем, только при переходе от средней к поздней бронзе, т.е. уже во II тыс. до н.э., и скорее всего в интервале между 1700–1500 гг. до н.э.

Поскольку молоты-топоры были предметами культовыми, ритуальными, а следовательно, исключительно устойчивыми, почти неизменными в своей типологии, естественно, при их изготовлении отталкивались от очень древних образцов, но осмысливали их, уже исходя из возможностей и потребностей своего времени. Именно поэтому они и не имеют типологических подобий.

Между тем говорить о довольно близких типологических параллелях все-таки возможно. Вполне закономерно, что они обнаруживаются на территориях, связанных с Тройей торговыми и культурными контактами. Это Угарит (т.е. Северная Сирия) и Мегиддо (Северная Палестина)¹¹. Не случайно Герман Мюллер в связи с европейскими молотами-топорами подобного вида говорит иногда о «сирийском» типе. Дата, которую дают обе названные аналогии нашим топорам – 1900–1600 гг. до н.э. – никак не противоречит предложенной нами. Подтверждают ее и другие типологические аналогии. Это нефритовые топоры-молоты и секира-молот из знаменитого Бессарабского (Бородинского) клада, хранящегося в Государственном Историческом музее в Москве¹². Состав этого клада достаточно сложен, однако среди разнообразных предметов есть и хорошо его датирующие, в частности, кинжал микенского типа, того, что встречается и в микенских шахтовых гробницах круга А. Дата, принятая для всего археологического комплекса Бессарабского клада, – XVI–XV вв. до н.э. (1550–1450 гг. до н.э.) в настоящее время общепринята и возражений не находит.

Нефритовые молоты-топоры из Бессарабского клада – это, пожалуй, самая близкая параллель троянским. Они тоже отличаются совершенством изыщной, вытянутой в пропорциях формы и очень высоким мастерством обработки камня. Они не имеют того богатого декора, которым отличаются троянские, но они и не связаны, по-видимому, с тем же уровнем ритуального использования.

Если учесть, что и в составе троянского клада L есть предметы, относящиеся к кругу кинжалов микенского типа (а они хорошо изучены и дают прямые аналогии шести наконечникам из горного хрусталя в рассматриваемом клада), вопрос уточнения датировки данного клада окажется еще более актуальным.

Высверленные наконечники из горного хрусталя, найденные в клада L, бесспорно, как и микенские, были важной в смысловом и декоративном отношении частью золотой рукояти ритуального оружия. Так называемые линзы вполне могли быть также инкрустационными вставками в наконечники рукояти кинжалов, но только несколько иной конфигурации. Именно такую разновидность наконечников представляют и кинжалы из самих Микен, и известный кинжал, найденный в критском дворце в Маллии. Сходное решение дают и памятники Юго-Восточного Средиземноморья, Сиро-Финикии и Палестины, в частности, опубликованный Х. Кленгелем кинжал из храма обелисков в Библе¹³. Датировка его – до начала XV в. до н.э. – пересекается с датировкой микенских гробниц.

¹¹ Müller. Handbuch... Taf. 253, 277.

¹² Кривцова-Гракова О.А. Бессарабский клад. М., 1948; Попов Г.Б. Бородинский клад. М., 1987 (датирует клад 1550–1450 гг. до н.э.); Кожин П.М. Сибирская фаланга эпохи бронзы // Военное дело. Население юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993. С. 16–41.

¹³ Klengel H. Geschichte und Kultur Altsyriens. Lpz, 1979. № 18; Рындина Н.В., Конькова Л.В. О происхождении больших усадовских кинжалов // СА. 1982. № 2. С. 30–42.

Так называемые линзы из клада L оптическими линзами, как нам кажется, быть не могли. Прежде всего они не обладают необходимой для этого полной прозрачностью (за исключением двух плоских круглых пластин, просверленных по центру)¹⁴. Большая их часть имеет внутренние трещины, которые, очевидно, были и изначально (если бы они попали в огонь, они бы выглядели иначе). Кроме того, увеличение, которое получается благодаря их использованию, ничтожно мало (всего в полтора или, в лучшем случае, в два раза). Это почти ничего не дает мастеру-ювелиру, даже если исходить из принципа «лучше что-то, чем ничего». Возможности применения этих предметов в какой-то ритуальной игре (как в царских гробницах Ура) также маловероятна. Хотя количество одинаковых «линз» довольно велико (их в кладе 18), для игры они слишком крупны и, главное, не имеют необходимой пары в другом цвете камня (не говоря уже о самой игровой доске, которая здесь отсутствует). Зажигательными линзами эти предметы также (при данном качестве камня) быть не могли; такое предположение возможно только применительно к двум плоским круглым большим пластинам из очень прозрачного горного хрусталя, о которых упоминалось выше.

В виде дополнения необходимо заметить – на наш взгляд, это очень существенно, – что широкое использование горного хрусталя в искусстве древнего мира и Средиземноморья, в частности, начинается, судя по памятникам, только во II тыс. до н.э. До этого времени использование данного материала и в глиптике, и тем более в крупных изделиях (при изготовлении сосудов и разнообразных украшений) очень редко, можно сказать – единично. Частое применение горного хрусталя, как правило, было связано с открытием так называемых хрустальных погребов. В Средиземноморье – на Балканах, на островах Эгейского моря или в Малой Азии, богатой цветным камнем и в частности кварцами, – такое месторождение вполне могло быть обнаружено во II тыс. до н.э.

Малая Азия в минералогическом отношении представляет собой такую же особую область, как и наш Урал. Здесь не просто много цветного камня, он очень разнообразен и вполне доступен в использовании. Камень, из которого выполнены ритуальные троянские молоты-топоры, явно малоазиатского происхождения. Везти его издалека не было никакой необходимости. Метаморфическая порода с включением лазурита, видимо, происходит из анатолийских районов, приближенных к Центральной Азии, к основному месторождению лазурита в Афганистане. Что же касается нефритовидов и нефрита (говорить о жадеите без спектрального анализа, как уже отмечалось, пока затруднительно), то эти минералы могли происходить из разных мест: по территории Малой Азии проходят сразу три полосы офиолитовых пород. Нефритовиды и нефрит встречаются здесь часто в глыбах даже по берегам рек и в настоящее время в Турции выставляются на продажу крупные куски этого камня.

Вопрос технического исполнения троянских молотов-топоров очень важен, поскольку, как уже было отмечено выше, он является безусловно датирующим для всего клада L в целом.

Уже говорилось об исключительном совершенстве формы всех четырех троянских топоров, о сложности и богатстве их художественного оформления, имитирующего работу в металле. По существу все они – произведения очень высокого камнерезного искусства, памятники скульптуры из цветного камня. Высочайший уровень мастерства обработки такого сложного и твердого материала требовал столетий серьезного развития камнерезного ремесла: одно дело – мягкое, пластичное золото, другое – труднообрабатываемый камень.

Прежде всего следует отметить, что рассматриваемые нами предметы – довольно крупных размеров и веса. Обработка камня таких больших объемов, да еще с ювелирной тонкостью, требует значительного навыка и высокой точности. Длина топоров-молотов колеблется от 25,9 до 31,1 см, ширина – от 5,8 до 8,6 см; вес самого большого – 2140 г, самого маленького – 940 г; нижний диаметр конусовидного просверленного отверстия, рассчитанного на расклинивание деревянной ручки (черенка) – от 2,4 до 3,4 см, верхний диаметр, немного больший – от 2,4 до 3,6 см¹⁵.

Виртуозно выполнены и сами отверстия и ободок, оставленный для декоративной накладки. Он исключительно точно воспроизводит в камне металлическую полосу с поперечными рельефными валиками и выступающими заклепками, которые потом покрывались позолотой. Сверление крупных отверстий и прекрасная шлифовка камня – нефрита, обсидиана и других пород – были известны и в более ранние периоды (например в древнем

¹⁴ Сокровища Трои. Каталог. № 229, 230.

¹⁵ Там же, № 166–169.

Китае). Удивляет другое – идеальная отполированность основных поверхностей и применение здесь ювелирной имитационной техники, отсутствующей в каменных изделиях III тыс. до н.э.

Уже говорилось о том, что используемые в данных предметах разновидности цветного камня обладают очень высокой плотностью и твердостью. Для такой ювелирной работы, которую демонстрируют троянские памятники клада L, нужны и довольно совершенные инструменты из твердой бронзы, и непременно корундовый абразив. Твердость нефритов, как уже отмечалось, 4,5–5,5–6, нефрита – 6–7; твердость метаморфической породы с включениями лазурита также не менее 5–5,5. Поскольку такая скарнированная порода включает в себя обычно шпаты, бокситы, диопсиды и т.п. (а они имеют разную твердость), работа с ней также доставляет много трудностей, особенно в крупных предметах, таких, как рассматриваемые.

Корундовый абразив, необходимый в процессе изготовления такого рода предметов, был и на островах Эгейского моря, например на острове Наксосе, чем в дальнейшем пользовались греки, а до них его применяли минойцы и ахейцы, был он и в Малой Азии. Только корундовый абразив, дававший твердость 8–9, позволял так свободно и совершенно обрабатывать сложные породы камня, особенно если учесть использование имитационной техники такого сложного характера. Из инструментов, которые применялись в процессе обработки, следует назвать: 1) сверла – бронзовые стержни разного диаметра (в том числе и очень тонкие с округлым выемчатым концом, предназначенные специально для исполнения рельефных заклепок); 2) полотна – бронзовые надфили для пропилов камня; 3) притирочные плиты – плоскости, на которых обрабатывали камень, делали его профилировку, полировали.

По двум топорам из клада L без особого труда прослеживается ход работы мастера, ее последовательность¹⁶. Хорошо просматривается, например, сетка квадратов в пропиленной разметке, в которые затем вписывались окружности «заклепок». Сетка из долевых и поперечных пропилов потом либо убиралась благодаря дополнительной обработке, либо сохранялась и воспринималась как своеобразный декор. Верхушки заклепок иногда могли стесываться, и это тоже давало свой особый эффект¹⁷.

Золочение большого труда не составляло. Тонкий слой золота, как фольга, накладывался на поверхность рельефно обработанного камня и закреплялся с помощью клеящего состава. Устройство простейшего станка, которым пользовались при таких работах в древности, хорошо известно: это дрель древнейшего типа – «лучковая» дрель.

Полировку камня знали давно, но для твердых пород и крупных объемов ею стали широко пользоваться по существу только во II тыс. до н.э., что подтверждает и опыт Египта, где искусство обработки камня находилось на очень большой высоте. Замечательных успехов в полировке твердых кристаллических пород здесь достигли только в эпоху Среднего царства, в основном в период XII династии.

Для черновой, предварительной полировки поверхностей камня в Египте пользовались крупным корундовым абразивом, которого много на юге, в Верхнем Египте, а в качестве связующего компонента применяли воду и растительные масла. То же делали, видимо, и на малоазиатских территориях. Для окончательной, чистовой полировки применяли мелкий корундовый порошок, смешанный с маслом. В Азии был известен еще один способ (кое-где, например в Сибири, им пользуются до настоящего времени): мелкий корундовый абразив растирали с медом.

Обрабатывать крупные кристаллы горного хрусталя со сложным сверлением их на станке могли тоже только во II тыс. до н.э. Этот твердый материал очень труден в обработке из-за своей ломкости (твердость его равна 7).

Что касается сердоликовых бусин и бусин из янтаря, обнаруженных в троянском клада L, то они по своим формам и технике обработки тоже вполне вписываются в круг произведений II тыс. до н.э.¹⁸ И материал для них использовался явно средиземноморский или, точнее, анатолийский. На всех этих территориях великое множество сердолика, янтарь также встречается (есть он в Италии, на островах Эгейского моря, Украине, так что и в клада L он южного, а не северного, балтийского происхождения). Кстати, следует заметить, что почти нет находок янтаря, датированного III тыс. до н.э., и довольно многочисленны находки II тыс. до н.э.

¹⁶ Там же. № 167, 168.

¹⁷ Там же. № 167.

¹⁸ Там же. № 218–221, 227.

Наличие в комплексе клада L спекшегося металла и сами формы мелких предметов, оказавшихся в этом конгломерате, на наш взгляд, нисколько не противоречат выдвинутой нами более поздней датировке всего клада L в целом. Гвоздики и другие предметы подобной формы есть и во II тыс. до н.э.¹⁹ Половина железного наворачия (железный шлак), обнаруженная в том же комплексе клада L, является, кажется, только лишним подтверждением верности нашего определения²⁰. Ссылка на А. Гетце, считавшего, что бусины, спекшийся металл и железный шлак могли и не быть связаны с данным кладом, не слишком убедительна, тем более, что и по поводу самих ритуальных молотов-топоров Гетце высказался довольно неопределенно²¹. На наш взгляд, все эти предметы все-таки относились к данному кладу, и никаких противоречий здесь не возникает. В итоге исходя из технологического анализа рассмотренных троянских памятников с еще большей отчетливостью вырисовывается поздняя датировка клада L, – II тыс. до н.э. (1700–1500 гг. до н.э.).

Клад L, обнаруженный Шлиманом в последний год его работ в Трое, в 1890 г., действительно по всем параметрам резко выделяется среди раннего материала других кладов, который находит прямые аналогии в памятниках III тыс. до н.э. Если принять во внимание наши доказательства, то клад L связан не с Троей II, как считалось прежде, а с Троей VI. Тогда многое становится понятным: и активные связи с Микенской Грецией, которые хорошо прослеживаются на этом материале, и связи со всей художественной культурой эгейского мира, переживавшей в этот период свой расцвет. Художественно-стилистический анализ каменных молотов-топоров из клада L также подтверждает, на наш взгляд, правильность такого определения для данного археологического комплекса в целом.

Прежде всего, как уже говорилось, поражает удивительное художественное совершенство самой формы троянских молотов-топоров. С небольшими вариациями эта форма повторена четыре раза. Пластически четко выражены, разграничены, соотнесены в своих объемах и полностью уравновешены обе ее основные части: лезвие-лопасть и обух-молот. Замечательны кроме того идеальная выверенность пропорций, завершенность, собранность, отточенность линий в ее очертаниях, что дает целостный, изящный гибкий силуэт. И наконец, просто изумительно декоративное осмысление самой этой формы: исполнение накладки с заклепками, имитирующей металл, общее оформление лопасти, обуха, втулки. Все вместе свидетельствует о высочайшем совершенстве работы мастера-ремесленника и вместе с тем – о классическом этапе в развитии данной художественной культуры, ее стиля.

Ритуальные троянские топоры-молоты по своей художественной стилистике вполне соотносятся и с критскими (минойскими) памятниками XVI в. до н.э., и с памятниками этого времени, происходящими с других островов Эгейского моря (в том числе и с о-ва Фера), а также с ранними произведениями из микенских шахтовых гробниц круга А и В. Для Крита и островов – это было временем так называемого дворцового стиля, если понимать его расширительно, как делает это Ф. Матц. Это не начальная (III тыс. и начало II тыс. до н.э.), а именно классическая стадия в развитии эгейской культуры и искусства. Поэтому рассматриваемые каменные топоры легко сравнить по стилю со стеатитовыми рельефными вазами, фигурками кносских жриц, выступающих в роли Великого женского божества (Богини-Матери), с сакральными фресками Кносса и Феры, с великолепными расписными вазами «дворцового» стиля.

Высочайшее художественное качество данных предметов тем более заставляет думать о чисто символической (не функциональной) их роли, о чем уже говорилось выше. Ими могли только прикасаться к жертве, решая ее участь, пользоваться как культовым символом в различных ритуальных действиях, праздничных церемониях. Трассиологический анализ вряд ли обнаружит на этих топорах следы какого бы то ни было действия (наличие зазубрин, царапин). Сохранность их очень хорошая, за исключением, может быть, только одного из них. Топор из лазурированной породы имеет поверхность, несколько поврежденную огнем. Видимо, он подвергся действию пожара более, чем другие. Этим объясняется и то, что он был обнаружен расколотым на две части (позднее они были соединены реставраторами). Следы пожара видны и на других предметах клада L. Заметнее всего они, конечно, в спекшемся металле – в мелких золотых предметах и во фрагменте какого-то изделия из железа, который был определен как железный шлак (кстати, наличие железа – дополнительный аргумент для поздней датировки комплекса).

¹⁹ Там же. № 217 (для сопоставления см. Müller. Handbuch...).

²⁰ Там же. № 226.

²¹ Dörpfeld W. Troja und Ilion. Ergebnisse der Ausgrabungen in den vorhistorischen und historischen Schichten von Ilion in den Jahren 1870–1894. Athen, 1902. S. 373.

Факт пожара очень важен, и он вполне соотносится с исторической ситуацией Трои VI²².

Первоначально предметы рассматриваемого археологического комплекса, извлеченные из сокровищницы святилища, как уже упоминалось, могли быть зарыты вблизи от поверхности земли или спрятаны прямо в стену, а уже затем перезахоронены как клад на большой глубине. Таким путем они, видимо, и попали в слои Трои II, однако отношения к ней они не имеют. Для Трои, раскопанной Шлиманом, стратиграфические неувязки и смещения, как известно, не были редкостью.

То, что основные предметы клада L являются однотипными, многократными повторениями по существу одного и того же образца – факт также весьма интересный. Очевидно, мы имеем дело с местной художественной мастерской, продолжавшей традиции древнего этапа и во II тыс. до н.э. Специализировалась она, как показывает материал, на работах в золоте и цветном камне. Если это так, то помимо минойских, микенских и островных центров возникает еще один важный центр художественного производства, о котором в связи с этим временем было мало что известно. Роль Трои в художественных процессах, происходивших в эгейском мире, следовательно, еще предстоит выявить и осмыслить. Троянский клад L позволяет сделать первый шаг в этом направлении.

Н.М. Никулина

RITUAL HAMMER-AXES OF THE TROJAN TREASURE «L»

(The Problem of Dating of the Archaeological Complex)

N.M. Nikulina

On the basis of the results of a complex semantical, typological, technological and stylistic analysis the author concludes that the ritual axes and the whole of Trojan Treasure L should be dated back to a later period. Discovered by H. Schliemann in the last year of his excavations at Gissarlyk, this treasure is very different in its material from the rest of Trojan finds. In the author's opinion, the objects of this treasure have closer analogies not among the Early Bronze things, but in the following period, i.e. in the 2nd quarter of the IInd millenium B.C. (1700–1500 B.C.).

Both the famous ritual axes made of well-polished colour stone and the hilt knobs of ritual daggers are to be compared rather with Aegean monuments, first of all with the objects of Mycenaean grave circles A and B, and also with the objects of the well-known Bessarabian Treasure. The ritual axes, made in a complicated imitative technique reproducing earlier models, could be manufactured, according to the author, only with the instruments made of sufficiently hard material and by means of corundum abrasive. The presence of iron slag, rock crystal and beads of amber (not known here until III–II mill. B.C.) in the treasure also argue for its later date.

The later date of the Treasure L, alongside with the acknowledgement of its unity, could better account for its contents and confirm the links of Troy with the Aegean and Hittite worlds. It will also help us to explain the traces of burning on several objects of the treasure: it belongs not to Troy II, as it was maintained before, but to Troy IV. The objects, hidden from fire in haste, seem to have been re-buried later, and so they came to be in the depth of Early Trojan lays.

²² Блеген говорил в свое время о землетрясении и пожаре, которые завершили период существования Трои VI (*Blegen C.W. Troy and the Trojans. L., 1963*).